

«Пил яд несовершенства нашей жизни»

Вчера в Центральном Доме работников искусств состоялся концерт, посвященный памяти Владимира Семеновича Высоцкого. Хорошо известные зрителям песни, а также песни на неспетые стихи поэта прозвучали в исполнении артиста театра и кино Никиты Джигурды.

Такие концерты артист проводит почти ежегодно — в день рождения поэта или в день его смерти. Раньше они были подпольными, проходили на Ваганькове, принося обычно исполнителю массу неприятностей. Потом ситуация в стране изменилась. Вместе с этим пришло признание. Встречи со зрителями стали официальными. Не изменились лишь взгляды Никиты, каждый раз говорящего о том, что песни Владимира Высоцкого во времена «застоя» не давали многим, и ему в том числе, сойти с ума. Что Высоцкий и «Та-

ганка» были клапаном, отдушиной, через которые вырывались пары человеческого гнева. Что Высоцкий для него был учителем, «вершиной» в творческом и человеческом плане. Поэтому и сына своего Никита назвал Володей — именем, которое в прочтении справа налево звучит как «я долов».

Он выпивал, он пил,
он пил запойно,
Пил яд несовершенства
нашей жизни.
Но он живет, хранит
от «Правды» гнилой.
Он — гениальный сын
страны капризной.
(Никита Джигурда
«Посвящение Высоцкому»).

ОКОНЧАНИЕ НА 4-й СТР

«Пил яд несовершенства нашей жизни»

НАЧАЛО НА 3-й СТР.

— Никита, у меня сохранился снимок из какого-то иностранного журнала, под которым по-английски написано «советский народ отбивает советского барда у советской милиции». И дата — 25 января 1983 года. Я думаю, что мало кто из твоих поклонников знаком с этим фактом твоей биографии.

— С этого в принципе все и началось. Я тогда впервые решил выйти с гитарой на Ваганьковское кладбище. Пошел ва-банк, четко осознавая к тому времени, что не писать стихов и не петь я уже не могу. Для себя решил, если выйду к могиле и меня освищут, значит, я — не прав и занимаюсь не своим делом. Но после первой же песни люди начали хлопать, спрашивать: «Кто вы? Откуда?». Просили спеть еще. Я пел и читал минут тридцать. А когда, закончив, пошел к воротам, в меня вцепились двое в штатском: «Вы осквернили могилу!». А люди спокойно смотрят на все это. Да еще какая-то бабушка машет рукой и приговаривает: «Счастливо тебе, сынок». Я думаю: «Елки-палки, только что благодарили, а теперь никто не вмешивается». Короче, развернулся и как гаркну: «Разве я осквернил могилу?». И тут как рев самолета: «У-у-у». Чекистов как ветром сдуло. После этого человек сто проводили меня до метро.

— Я знаю, что тебя исключали впоследствии из Щукинского театрального училища за «поведение, недостойное звания советского студента», и даже сажали в

КПЗ — и все из-за этих импровизированных концертов.

— Был такой момент. Меня вызвали в ректорат и предупредили (это было через год после вышеупомянутых событий), что 25 января на Ваганьково мне ходить не следует. Но я был молодой и горячий. И все-таки решил идти. До кладбища мне добраться не удалось, так как утром у выхода из дома меня встретили две машины с «товарищами». Сопротивление привело к тому, что меня силой втолкнули в кабину, сломав палец на руке и прихлопнув дверцей ноги. Уже в КПЗ кэгебэшники стали угощать апельсинами, объясняя, что мне обижаться, мол, на них не следует, что это работа у них такая (собачья, конечно, работа). «А песни у тебя — классные»:

«Время тревог, время тревог
волком глядит
И, с пьяных глаз, давит
всех нас, словно лимит.
Время, как нерв, время,
как нерв, рвет нам умы,
Мысль родив, что тот
октябрь — от сатаны...».

Ну а в ректорате на доске меня ждал приказ об отчислении из училища. Правда, потом благодаря усилиям моего педагога Евгения Рубеновича Симонова, верившего в меня и сумевшего разглядеть во мне артиста, я был восстановлен в «Щуке».

— В этом году ты не пел на Ваганькове?

— Я делал это раньше, когда это было запрещено. А в этом году... пошел туда просто так. Поблизе к вечеру, когда народ почти разошелся.

Е. КУРБАНОВА.
Фото М. КОВАЛЕВА